

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8.)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2025-108-1-93-98

МИФОЛОГИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© *Ирина Владимировна Самарина*¹, *Людмила Николаевна Селивёрстова*²

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; ²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹samaririna@yandex.ru ²seliverstova_23gmail.ru

Аннотация. Отмечается, что советская культура и его атрибутика продолжают быть актуальными и популярными темами современных медиатекстов. Представлен мифологический образ СССР 1920-1940 гг. на материале современной российской прозы. Анализ строится посредством рассмотрения лингвистических актуализаторов мифологем, составляющих образное восприятие СССР периода его становления.

Ключевые слова: современная российская проза, миф, мифологема, СССР, семиотический анализ.

Для цитирования: Самарина И.В., Селивёрстова Л.Н. Мифологизация советского прошлого в современной российской литературе // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 108. № 1. С. 93-98. doi: doi: 10.18522/2070-1403-2025-108-1-93-98

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8.)

Original article

Mythologization of the Soviet past in modern Russian literature

© *Irina V. Samarina*¹, *Ludmila N. Seliverstova*²

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; ²Southern Federal University, Rostov-on-Don; Moscow International University, Moscow, Russian Federation

¹samaririna@yandex.ru ²seliverstova_23gmail.ru

Abstract. Soviet culture and its features continue to be relevant and popular topics in modern media texts. The article attempts to present the mythological image of the USSR of 1920-1940 based on the material of modern Russian prose. The analysis is based on the consideration of linguistic actualisators of mythologemes that make up the imaginative perception of the USSR during its formation.

Key words: modern Russian prose, myth, mythologeme, the USSR, semiotic analysis.

For citation: Samarina I.V., Seliverstova L.N. Mythologization of the Soviet past in modern Russian literature. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 108. No 1. P. 93-98. doi: doi: 10.18522/2070-1403-2025-108-1-93-98

Введение

С течением времени Советский Союз все более отдаляется, при этом обрастает мифами и упрощенными интерпретациями. В мифологизации образа СССР на современном этапе особую роль играет литература, которая оказывает влияние на социокультурные процессы в обществе. С одной стороны, литературное произведение, как социопродукт, отражает общественные реалии и транслирует определенный культурный код, с другой, как социотехнология, моделирует и корректирует историческую память.

Задача исследования состоит в анализе мифологического образа СССР, а именно лингвистических знаков как средств реконструкции советского периода (начала 1920-х до начала Великой Отечественной войны) в современной отечественной литературной прозе. В этой связи представляется важным рассмотреть лингвистические актуализаторы мифологем, составляющих образное восприятие СССР периода его становления, а именно 1920–1940 гг.

Материалом исследования послужили романы современного автора Гузель Яхиной «Дети мои» (2018 г.) и «Зулейха открывает глаза» (2015 г.). Главные герои этих произведений обычные, ничем не примечательные люди: школьный учитель из поволжских немцев Якоб Бах и молодая татарка Зулейха Валиева. Все они попадают в водоворот исторических, подчас страшных, трагических событий, переживаемых Советским Союзом периода его становления: коллективизации, раскулачивания, депортации и пр. Но, несмотря на все испытания, им удастся сохранить любовь к жизни и озарить этой любовью своих близких. Однако объектом данного исследования являются не образы главных героев, а образ государства – образ Советского Союза 20–40-х гг. XX в. Предметом – лингвистические знаки-актуализаторы мифологем, как инструмент воссоздания (реконструкции) образа СССР в современных отечественных произведениях литературы на примере вышеупомянутых.

Методы и методология Основным методом исследования является метод семиотического анализа, который предполагает исследование феноменов культуры как знаковой системы, которая позволяет познать социально-исторический мир. Семиотика определяет устоявшиеся способы мышления. «В мире знаков... семиотика раскрывает... мир идеологий, отраженных в устоявшихся способах использования языка» [5, с. 87]. Также в работе использовался метод лингвостилистического анализа при описании речевых средств реализации мифологического нарратива.

Обсуждение

Несмотря на тот факт, что Советский Союз больше не существует как эпоха, советская культура и его атрибутика продолжают быть актуальными и популярными темами современных медиатекстов. Основной причиной этого феномена можно считать ностальгические переживания большого количества людей и их предков, которые росли и жили в данный период. По этой причине рассмотрение атрибутов советской культуры в жизни современного общества является очень актуальным.

Мифопоэтический нарратив СССР в современном литературном произведении занимает одно из приоритетных мест. Под мифологемой понимается «самостоятельный авторский образ, построенный на системе традиционных культурологических и литературных парадигм, структура которых формируется на давних мифологических фундаментах» [2, с. 26], это «основные единицы тоталитарного языка, передающие определённую мировоззренческую установку и имеющие предписательный характер».

Главной моделью мифологического порядка в СССР можно считать модель «советский + X». Эта модель вошла в основу создания мифа о советском человеке, который «прокладывает путь в светлое будущее коммунизма». Антитезой всего «советского» являлось всё «буржуазное» [3, с. 234].

Таким образом, основные мифологемы раннего СССР строятся на бинарной архетипной оппозиции «свой-чужой» или «герой-враг», где «своим» является всё советское, а «чужим» является всё антисоветское. Ключевыми мифологемами являются мифологема «советского человека» (герой), мифологема «врага народа» (враг) и мифологема коммунизма, которая отражает всю совокупность советской идеологии.

В анализируемых произведениях действие происходит в период становления советской власти, проведения Новой экономической политики (НЭПа), коллективизации и раскулачивания в разных регионах страны: в Сибири, в Поволжье и Татарстане. Образ «молодого» СССР очень ярко, образно и неоднозначно представлен в романе Гузель Яхиной «Дети мои» (2018). Главным персонажем романа является сельский учитель Якоб Бах, поволжский немец, который живёт и преподаёт в немецком посёлке Гнаденталь. Он один воспитывает двух детей Анче и Ваську. Через него автор описывает исторические события Поволжья того времени.

Мифологема «советского человека» представлена в образе руководителя Гнаденталья, коммуниста из Германии Гоффмана. Перед читателем этот герой представлен в виде красивого красноречивого горбуна. Он яркий представитель советского сознания и мировоззрения, которого послали в Гнаденталь перековать немцев в советских граждан. Гоффман яро выступает против религии и церквей, пытаясь заменить их на советские лозунги «не пиши мне про кирхи и мессы! К чертям

религию, она давно забыта и похоронена! Через год никто в Гнадентале не вспомнит имени последнего пастора, а через десять лет – и самого Иисуса!» (7, стр. 65).

Основной целью Гоффмана был передел немецкой души в советскую. Для этого он использует разные приёмы, включая идеологическую агитацию, лозунги, партийные встречи. Он даже поручил Баху придумывать сказки, в которых бы прославлялись советские идеи. Эти сказки имели большой успех у жителей деревни, поскольку Бах в них вложил понятные для всех образы и слова «сказки были основой политической агитации: “Коммунист убивает последнего черта на советской земле”, “Гномы вступают в пионерский отряд”, “Великаны помогают колхозникам собирать урожай”, “Пионеры судят лесную ведьму”» (7, стр. 92). Однако не смотря на все усилия Гоффмана многие люди отказывались подчиняться новому режиму и устраивали провокации «агитационные доски! Весь новый хлам – в огонь! Чтобы коммунистам гореть, как этим доскам, – в аду!»

Мифологема «врага» представлена в романе в образе «немецкой угрозы», кулаков, царских чиновников и белых офицеров. В романе автор описывает готовящееся нападение Германии на СССР. Поволжские немцы должны были сыграть определенную роль в этой битве. По мнению Германии, «этнические немцы – это табун троянских коней, рассыпанных по земному шару и ожидающих своего часа», «Рейх неутомимо трудился, готовя «троянских коней» к предстоящей войне и не очень скрывал свои намерения» (7, стр. 167). Для борьбы с «чистой этнических немцев» Сталин назначает Николая Ежова, который стал «железным наркомом» и взял страну в ежовые рукавицы «жесткость и непоколебимая верность наркома были сегодня необходимы как никогда: в преддверии войны большой стране предстояло почистить кровь». В преддверии войны шли и другие этнические чистки «параллельно с немецкой операцией Ежов вел две другие, не уступающие по масштабности, – польскую и харбино-японскую; да еще горстку более мелких: эстонскую, латышскую, китайскую, болгарскую, македонскую, афганскую» (7, стр. 168).

Мифологема коммунизма реализуется неоднозначно. Вначале романа она представлена в виде навязанной и жестко реализуемой идеи «светлого будущего» для поволжских немцев – «для поволжской «Германии» была определена хоть и «скромная, но еще достойная роль: стать пусть не орудием строительства коммунизма, но его агитационной витриной. И украшение для этой витрины было придумано богатое – статус автономной республики» (7, стр. 48). Приход советской власти стал сущим кошмаром для Волжских немцев.

Жизнь людей изменилась до неузнаваемости «новая власть, установленная в Петербурге, отменила небо, объявила солнце несуществующим, а земную твердь заменила воздухом. Люди барахтались в этом воздухе, испуганно разевавая рты, не умея возразить и не желая согласиться» (7, стр. 63). Обильное количество примеров иллюстрируют весь ужас процесса коллективизации в Поволжье, который проходил в 1928–1929 гг. У людей забирали скот и сельхозинвентарь, люди начали стремительно покидать свои дома: «отток населения из колонии, и без того массовый, ускорился и этим подсказал название всему двадцать девятому году – Год Бегства» (7, стр. 110). Однако, несмотря на весь ужас коллективизации и лагерей, в романе эксплицитно описываются и положительные изменения, которые произошли с немецкой республикой Поволжья после прихода советской власти – «старательно выстраиваемая для мировой общественности витрина социализма сверкала успехами и достижениями» (7, стр. 150).

По всей стране были организованы детские коммуны и детприёмники. Детей Баха забирают в детский дом в Покровск, куда он каждую неделю ездит с гостинцами для всех детей коммуны. Дети в коммуне заняты интересной жизнью, они рисуют плакаты, ставят сценки, поют и танцуют, «никогда прежде Бах не видел их лица такими вдохновенными, а глаза – такими сияющими, по блеску в глазах чувствовал: здесь они счастливы» (7, стр. 150). Жизнь Баха приобрела новый смысл и новую мечту. Он захотел сделать из своего дома дом для беспризорных детей. Каждый день теперь он занят обустройством дома, «остатками краски вывел на входной двери: “Детский дом имени Третьего Интернационала”».

Что касается лингвистических средств формирования образа СССР в романе «Дети мои», то необходимо отметить их информационно-психологическую направленность, пропагандистский характер и агитационную составляющую. Мифологичность нарратива реализуется посредством разнообразных стилистических приёмов, среди них наклеивание ярлыков, стереотипизация, использование лозунгов и призывов, метафоричность и гротеск.

1) Наклеивание ярлыков. Суть этого приёма заключается в том, чтобы обозначить события или действующие лица словом или выражением, изначально содержащим в себе для реципиента негативный или, напротив, позитивный оттенок, например «расхититель социалистической собственности», (7, стр. 60) или «чистильщики» (7, стр. 168). Использование ярлыков формирует стереотипность мышления, тем самым усиливаются формируемые в обществе идеологические установки.

2) Следующим агитационным приёмом является использование лозунгов. Под лозунгом понимается запоминающийся девиз или фраза, как повторяющееся выражение идеи с целью убеждения. Частое использование лозунгов активизирует людей в эмоциональном плане, придает речи связность и энергичность, задает ритм – «лозунгами были увиты электрические столбы, лозунги красовались на капотах автомобилей и облучках проезжающих мимо телег. Дадим!» – призывали одни надписи. – «Укрепим!», «Построим!». «Ударим!» – грозили другие. – «Раздавим!», «Уничтожим!» (7, стр. 158).

3) Мифологема «свой-чужой» реализуется в развёрнутой метафоре при описании противоборства между Сталиным и Гитлером. Полем битвы становится бильярдный стол и партия в бильярд, в которой побеждает Сталин: «вождь размахнулся кием, как мечом, и рубанул со всей силы по торчавшему над сукном сморщенному носу. Брызнула кровь, фюрер заверещал пронзительно – чуть лампочки не треснули – и, жалобно вращая моментально распухшим пяточком (эх, жаль, что не отрубил!), сгинул под столом» (7, стр. 153).

Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» посвящен проблеме раскулачивания и переселения кулаков. Действие романа начинается зимой 1930 года в глухой татарской деревне. Главный герой – крестьянка Зулейха, которая была раскулачена и отправлена по извечному каторжному маршруту в Сибирь.

Мифологема «советского человека» очень образно и парадоксально описывается в этом романе. Это молодой, амбициозный сотрудник ГПУ Иван Игнатов, которого прислали в Казань раскулачивать зажиточных крестьян в 1930 г. С первых дней службы его начали мучить противоречивые чувства, с одной стороны, он свято верил идеям революции «любить можно только великие вещи: революцию, партию, свою страну», «каждый раз, наблюдая за тем, как кулаки исчезают за крепкими воротами пересыльного дома, он вздыхал с облегчением и тихой внутренней радостью: еще одно полезное дело сделано, еще одна песчинка брошена на весы истории» (8, стр. 24), а с другой стороны что-то постоянно терзало внутри «кулачье жалеть начал, докатился» (8, стр. 15). Его назначили комендантом эшелона в Сибирь «Двадцать вагонов, битком набитых человеческими жизнями. И каждый – кулак махровый, обиду на власть затаивший размером со свинью, а то и с корову. Попробуй-ка их провези через полстраны» (8, стр. 70). Перевозили людей в нечеловеческих условиях по шестьдесят – семьдесят человек в вагон «Одних раскулаченных – восемь тыщ голов! И всех – отправить в недельный срок! Это – какво? И каждый день, каждый же день – новые! Скоро на путях будем класть» (8, стр. 73).

Мифологема врага народа реализуется посредством описания тех людей, которые попали под раскулачивание. Среди них был профессор университета Вольф Карлович Лейбе, который был практикующим хирургом «слава о молодом хирурге от Бога полетела по Казанской губернии» (8, стр. 19). Донос на профессора был написан его экономкой, которая мечтала занять его комнаты.

Мифологема коммунизма реализуется в романе в образе председателя сельсовета Денисова, которому удалось поднять процент коллективизации в несколько раз. Он боролся с врагами наро-

да и религией от всей души, «по-балтийски: во время священного месяца Рамазан Денисов организовал агитационные шествия вокруг мечети, собрал и сжёг все деревенские кораны» (8, стр. 17).

Что касается лингвистических средств формирования образа СССР в романе «Зулейха открывает глаза», то необходимо отметить их яркую стилистическую окрашенность, а также иррациональность. Мифологичность нарратива реализуется посредством разнообразных стилистических приёмов, среди них метафоры, риторический повтор, эпитеты, архетипы.

1) Развёрнутая метафора описывает процесс коллективизации в Казахстане «постепенно ручеек полнел, крепчал, рос, а зимой тридцатого года превратился в могучую реку, которая затопила не только саму тюрьму, а и все привокзальные подвалы – везде теперь ютились голодные, злые, ничего не понимающие крестьяне» (8, стр. 25). Тема смерти проходит лейтмотивом на протяжении всего романа «смерть была везде, она ждала каждого – таилась в нем самом или ходила совсем рядом, кошкой ластилась к ногам, пылью ложилась на одежду, воздухом проникала в легкие» (8, стр. 66).

2) Риторический повтор также служит для усиления эмоционального воздействия на читателя, акцентируя внимание на бесчеловеческих условиях жизни раскулаченных людей. Автор описывает состояние Зулейхи, которая узнала, что едет в Сибирь беременной «устала, устала мучиться. Мучиться голодом, уговаривать, увещевать свое ненасытное нутро. Мучиться животом от дурной пищи» (8, стр. 95).

3) Иррациональность нарратива реализуется через бинарную оппозицию «жизнь-смерть», которая прослеживается в описании смерти очередной, четвёртой дочери Зулейхи «каждый раз после родов, поднося к губам для поцелуя крошечное личико дочери, Зулейхе казалось, что она видит жизнь. Позже оказывалось, что видела смерть» (8, стр. 67).

Выводы

Литература как социально-регулятивный механизм, организует общественное сознание посредством формирования социально значимых когнитивных, мифологических, аксиологических и регулятивных смыслов. Она является своего рода технологией формирования социальных отношений, которая способна навязывать определенные образцы и модели поведения, нормы и ценности. Литераторы работают с художественными образами, которые удачно могут дополнить или подменить реальные, составляющие историческую память о каком-либо событии. Таким образом литературное произведение может быть эффективным средством формирования и корректировки исторической памяти и представляет безусловный научный интерес.

Список источников

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
2. *Вишницкая Ю.В.* Мифологемы Александра Блока в русском этнокультурном пространстве // Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Киев, 2003.
3. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001.
4. *Самарина И.В.* Прагмалингвистическое исследование речевой деятельности «создание круга своих и круга чужих» // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 8 (48). С. 213–219.
5. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М., 2005.
6. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
7. *Яхина Г.* Дети мои. М.: Изд-во АСТ, 2018.
8. *Яхина Г.* Зулейха открывает глаза. М., Изд-во АСТ, 2015.

References

1. *Barth R.* Selected works. Semiotics. Poetics, M.: Progress, 1994.
2. *Vishnitskaya Yu.V.* Alexander Blok's mythologems in the Russian ethnocultural space. for the job. learned. step. Candidate of Philological Sciences. Kiev, 2003.
3. *Pocheptsov G.G.* Theory of communication. Moscow: Refl-book, K.: Vakler, 2001.
4. *Samarina I.V.* Pragmalinguistic research of speech activity “creating a circle of one's own and a circle of strangers” // Bulletin of Samara State University. 2006. No. 8 (48). P. 213-219.
5. *Eco U.* The role of the reader. Research on the semiotics of the text. M., 2005.
6. *Jung K.G.* Archetype and symbol. Moscow: Renaissance, 1991.
7. *Yakhina G.* My children. Moscow: AST Publishing House, 2018.
8. *Yakhina G.* Zuleikha opens her eyes. Moscow, AST Publishing House, 2015.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 25.01.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 25.01.2025.
